

Т. ПАРСОНС

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ*

С исторической точки зрения, все теоретические знания высшего уровня о социальном поведении людей получены в самое последнее время благодаря достижениям в области экономической теории и статистики. За короткое время социология совершила стремительный рывок. Но культурный рост настолько сложен, а время настолько продолжительно, что социология сейчас находится только в начальной стадии своего развития.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что различие между социальной наукой, с одной стороны, и большинством тесно связанных с ней ненаучных или частично научных компонентов общей культуры — с другой, является пока еще нечетким, неустойчивым.

Я говорю об отделении социальной науки от «социальной философии» и «социальных проблем». Научная область не может институционализироваться до тех пор, пока нет достаточно ясной ориентации на собственные исследовательские проблемы, ориентации, на которую не влияли бы социально важные, но по большей части своей ненаучные сферы интереса. Третья проблема разграничения сводится к определению места социологии среди научных дисциплин, особенно среди тех, которые изучают человеческое поведение. Обсудим по порядку каждую проблему.

Во-первых, в рамках самого общего разграничения социальной науки от философской матрицы, в которую она первоначально была включена, мы можем говорить о религиозном, философском, в широком смысле научном аспекте такой матрицы. Относительно, преобладание этих аспектов частично соответствует основным этапам западной интеллектуальной истории.

На ранних этапах произошло отделение светской социальной мысли от религиозной апологетики; это движение стало заметно только в XVII в. Главным содержанием раннего этапа секуляризации явилась политика в

* Перевод выполнен по изданию: American Sociological Review. 1959. Vol. 24. P. 547-559. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 1999. Т. 1. Вып. 1. С. 22-36.

широком смысле; светское общество рассматривалось как политически организованное «государство» в противовес церкви. Как только был сделан первый шаг, постепенно возникла дифференциация основных направлений внутри данной области.

Только к концу XVII в. экономика выделилась из диффузной политической матрицы. Адам Смит был первым выдающимся мыслителем, способствующим формированию классической экономики. Фокус политической теории значительно сузился, центр внимания сместился на формы правления в различных типах общества, возникавших в тот период. Так, наряду с историей, не пожелавшей идентифицировать себя ни с каким отдельным направлением, в XIX в. сформировалось широкое поле деятельности для политической науки и экономики.

Эта интеллектуальная ситуация подготовила почву для развития социологии по одному из своих главных направлений, а именно, для анализа тех макроскопических объектов общества, которые не получили адекватного объяснения в рамках утилитарной традиции, которая серьезно повлияла на политическую теорию и экономику.

Опираясь на О. Конта, как на одного из своих главных предшественников, и на К. Маркса, доказавшего важную роль «экономических факторов», Э. Дюркгейм и М. Вебер в Европе явились теми великими теоретиками, которые создали атмосферу, необходимую для возникновения нового социологического подхода, одновременно занимавшегося анализом институциональных рамок, внутри которых протекали современные экономические процессы, в определенной степени независимые от действий политических организаций. Они были ориентированы на «коллективистский» способ мышления, отталкиваясь при этом от Ж.-Ж. Руссо и немецкого идеализма, которые предоставили им базу для критики утилитаризма. При анализе ключевых понятий они оперировали, скорее, «идеальными» факторами, такими как ценность и институционализированные нормы, нежели «материальными».

В рамках «научного» аспекта философской матрицы социального мышления, о которой говорилось выше, этап, толчком к развитию которого послужила биология Ч. Дарвина во второй половине XIX в., имеет особое отношение к социологии. К. Спенсер и американские эволюционисты У. Самнер и Л. Уорд отталкиваются именно от этого основания в его сложной взаимосвязи с утилитаризмом и позитивистским рационализмом. В дополнение к их влиянию, оказанному на развитие социологии, понятия эволюции и широкий контекст взаимосвязи между конкуренцией и кооперацией, свободным предпринимательством и планированием образовали интеллектуальную матрицу, из которой выросла ант-

ропология в Великобритании и которая лежит в основе развития современной психологии. Благодаря Фрейдю образовалась сложная связь между психологией и медицинской биологией; а антропология, находившаяся в этой стране под сильным влиянием Франца Боаса, была инспирирована немецким историко-идеалистическим мышлением. В Соединенных Штатах «социальная психология» Ч.Х. Мида стала мостом, соединяющим оба интеллектуальных течения.

Таково схематичное представление основных тенденций в интеллектуальном развитии социальных наук на Западе. Легко видеть, что границы, отделяющие их друг от друга, очерчены нестрого. По сравнению с макроскопическими дисциплинами, какими являются наука и экономика, социологию часто рассматривали как остаточную категорию, либо как более или менее «эмпирическую» сумму знаний в обществе. В частности, в Германии наблюдалась склонность отождествлять социологию с философией истории и видеть единственное различие между ними в большей эмпирической направленности социологии. Тем не менее, внимание ученых в возрастающей степени начало фиксироваться на феномене ценностей и норм в их взаимосвязи с личностью, независимо от технических интересов, в частности — от экономики.

Внутри комплекса наук, концентрирующихся вокруг биологии Ч. Дарвина, обнаружились не менее сложные проблемы разграничения их с антропологией и психологией. До тех пор, пока антропологи занимались исследованием дописьменных сообществ людей, подобные вопросы не возникали, но в последнее время различие между социологией и антропологией стало не таким очевидным. Непростой вопрос о том, ставить ли акцент на «культуре», как это делают многие американские антропологи, или на социальной системе, как поступают некоторые социологи, служит достаточным основанием для разграничения двух дисциплин. В отличие от них психология, кажется, совершенно ясно сконцентрировалась на изучении четко различимых при помощи анализа компонентов поведения, характеризующих «индивида». Поскольку все человеческое поведение является не только индивидуальным, но и социальным (а также культурным), трудности на пути проведения четких аналитических границ до конца не сняты, отсюда — двусмысленность положения социальной психологии.

Видимо, в самой природе этих дисциплин заложено то обстоятельство, что, во-первых, при изучении эмпирических явлений любая аналитическая классификация обязательно пересекается с классификациями, основанными на здравом смысле. Так, экономика не может быть теорией «бизнеса» в некотором упрощенном смысле, политическая тео-

рия не может быть теорией «правления», так же как психология не может быть теорией индивидуального поведения в большей степени, чем физиология — исследование живых организмов, а химия — неживой материи. Во-вторых, нельзя провести четкую границу между научными компонентами этих дисциплин и их ненаучной философской матрицей. К примеру, такие вопросы, как позитивизм и онтологический статус личности в рамках утилитаризма, не могут быть полностью исключены из теоретической дискуссии в социальных науках.

Эти интеллектуальные проблемы, которые вряд ли поддаются быстрому и легкому решению, оказывают важное влияние на позицию и поведение профессиональных групп, которые ими занимаются. Они служат источником напряжения как внутри, так и между дисциплинами. Социальные науки сформировали «семейство», которое достаточно хорошо структурировано для определенных рабочих целей, но которое содержит пока еще много неясностей, а также создает зону для потенциальных и даже реальных конфликтов. Возможно, лишь малая часть членов соответствующих профессиональных групп постоянно проявляет интерес к подобным проблемам, что не оправдывает отношения к ним как к тривиальным с точки зрения их значимости для профессиональной ситуации.

Я думаю, что исторический процесс разграничения социальных дисциплин так тесно переплетен с процессом их постепенного выделения из общей философской матрицы, что необходим общий подход к этим двум тенденциям. Обращаясь к третьей проблеме разграничения — дифференциации между научными дисциплинами и практическими предписаниями, могу только заметить, что самым поразительным является факт недавнего возникновения окончательной дифференциации: и политическая, и экономическая теория на этапе своего формирования были непосредственно связаны с предписаниями общественной политики и не принимали серьезных попыток отделить, хотя бы концептуально, основания эмпирической генерализации от оценочного базиса политических рекомендаций.

Марксизм представляет собой яркий пример экономической теории, которая не стремилась к подобному разграничению, напротив, отрицала его легитимность. Макс Вебер, вероятно, был первым из крупных теоретиков, кто заявил о фундаментальной важности тщательного разграничения между проблемами научной генерализации, с одной стороны, и проблемами оценки и политики — с другой, разработав четко методологическую базу для такого разграничения. Лишь при жизни последнего поколения подобное разграничение получило признание среди представителей социальных наук, но проблема до конца так и не решена...

В сегодняшней ситуации важно подчеркнуть одну особенность истории американской социологии, которая отличается от европейской (особенно континентальной). Европейские социальные науки в целом и социология в частности, как правило, занимались макроскопической интерпретацией общественного развития. Отсюда и выдвигание таких общих тем, как капитализм и социализм. Однако в Соединенных Штатах макроскопической интерпретации уделялось намного меньше внимания. Схематичное представление об обществе и его основных ценностях принималось как нечто само собой разумеющееся, а акцент ставился на отдельных «социальных проблемах». Глубокий интерес проявлялся к тому, как реальные ситуации отклоняются от ценностей, которые являлись прежде всего ценностями либерального протестантизма в эпоху, когда «социальная проповедь» была особенно популярна. В центре внимания оказались такие проблемы, как трущобы, сельский образ жизни, иммиграция, отношения между черным и белым населением.

Такая направленность интереса помогает нам лучше понять, почему американская социология, в отличие от европейской, в меньшей степени касалась проблемы демаркации с философией. Она оказалась в большей мере подготовленной к отделению от политической теории и экономики, поскольку те развивали макроскопический подход к обществу. При подобных обстоятельствах самые серьезные проблемы дифференциации для американской социологии коренятся в ее прикладных интересах. На более ранней стадии своего развития социологию отождествляли с религиозно-этическими обстоятельствами, а также с филантропией, которые институционализировались в качестве разделов комьюнити-сервис и социальной работы. Так, ранее американские социологи обучались в соответствующем министерстве, а некоторые университетские департаменты объединили социологию и социальную работу. Однако резкая критика такого рода объединения привела к превращению этих дисциплин в самостоятельные области вначале в Чикагском университете, а позднее в Гарварде.

Хотя проблема демаркации с прикладными интересами оставалась сугубо американской, концентрация на менее глобальных вопросах дала ряд преимуществ. Она привела к разработке разнообразной техники эмпирического исследования, в частности, метода включенного наблюдения, анализа личных документов, интервьюирования и опросных методов. Особенно важно то, что быстрое развитие техники совпадало с соответствующим развитием статистики. В атмосфере всеобщего интереса американцев к практическим вопросам акцент на технике, намного ярче выраженный, чем в Европе, ускорил превращение социологии в эмпирическую науку.

Важно и то обстоятельство, что микроскопический акцент американской социологии привел ее к более тесной взаимосвязи с психологией и с антропологией, в частности, в изучении малых сообществ (комьюнити), которые выступали первым крупным объектом антропологических исследований в современном обществе. Психологи и антропологи были теми, кто разными путями проявили наибольшую активность в разработке детального эмпирического исследования. Европейская континентальная социология столкнулась со значительно большими трудностями в процессе интеграции с общим направлением эмпирического исследования в сравнении с Соединенными Штатами. Трудно переоценить роль сильной традиции эмпирического исследования для отграничения социологии как научной дисциплины от ее прикладных разработок в области социальной политики.

Подводя итоги, скажу, что на протяжении жизни последнего поколения социология как научная дисциплина достигла того, что можно было назвать первым уровнем зрелости. Хотя процесс дифференциации еще далек от своего завершения и остается еще много областей, не имеющих четко обозначенных границ, социология, наряду с другими социальными науками, приобрела относительную автономию от философской матрицы. Несмотря на неясности, она занимает определенное место в общем комплексе научных дисциплин, которые изучают человеческое поведение. Социология освободилась также от существовавшего прежде отождествления ее с набором специфических практических задач, решаемых обществом, став самостоятельной, относительно «чистой» дисциплиной с собственной исследовательской базой и теоретической традицией. Однако мы видели: проблемы, связанные с дифференциацией, стоят еще достаточно остро, и неясность культурных границ является источником напряженности во многих отношениях. Я бы сказал, что проблема идеологической контаминации (загрязненности) является наиболее важной в рамках философского контекста; проблема междисциплинарного вторжения и конфликта является наиболее актуальной в плане взаимоотношения с родственными дисциплинами; наконец, (проблема) приверженности идеалам чистого исследования и обучения, а не формирования социальной политики является самой насущной на прикладном фронте.

Институционализация социологии в университетах

В настоящее время социология признается в качестве регулярной академической дисциплины в большинстве университетов Соединенных Штатов – после того, как Джону Хопкинсу удалось составить их список. Лишь в нескольких элитарных колледжах свободных искусств, напри-

мер, в Амхерсте, Уильямсе и Суарморе, этот процесс еще не закончен. Такое положение дел резко противоречит тому, что есть в Европе, где общее число кафедр составляет лишь малую часть общего числа кафедр в Америке. Незначительное признание социология получила лишь в Оксфорде и Кембридже, а на континенте лишь половина университетов к северу от Альп проявляет к ней некоторый интерес.

Если принять концепцию социологии как профессии, которая организовалась в рамках научной дисциплины, то значимость факта ее широкого распространения в Соединенных Штатах будет трудно переоценить. Прочное положение, которое занимает эта дисциплина на университетских факультетах, послужит структурной базой для научной ориентации профессиональных кадров. Социология, таким образом, вовлечена в процесс становления научных профессий, особенно в области социальных наук. И все-таки ничто другое не смогло послужить такой надежной основой для дальнейшего прогресса социологии, как ее превращение в научную дисциплину и ее влияние в обществе...

Поскольку социологии отведена ведущая роль на университетских факультетах, возникает немаловажный вопрос о ее месте в кругу родственных ей дисциплин. Как указывалось ранее, существует множество критериев, с точки зрения которых, в терминах интеллектуального содержания, демаркационные линии проведены нечетко. И хотя многие аспекты разграничения не получили ясного определения как по существу, так и организационно, в целом ситуация достаточно удовлетворительна. С точки зрения профессиональной институционализации в академическом сообществе, существует два обнадеживающих факта. Во-первых, социология как «предмет» получила академическое «гражданство». Во-вторых, хотя социологию организационно пытаются объединить с другими дисциплинами — иногда с комплексом политико-экономических наук, иногда с психологией, антропологией или и с той, и с другой, — нет угрожающего единообразия в том, как это делается.

Промежуточное по отношению к другим «поведенческим наукам» положение социологии, несомненно, является стратегически выгодным. Нет ни малейшей опасности того, что данная профессиональная группа будет поглощена соседней группой; более того, социология обогащает родственные дисциплины. Например, экономистам и политологам она предоставляет возможность более глубокого понимания «институциональных» факторов, чем это достижимо в пределах собственной дисциплины. Психологам она помогает увидеть такие «социальные» факторы, которые нельзя описать в индивидуальных терминах. Что касается антропологии, то демаркация здесь не столь очевидна, но, не желая никого

обидеть, можно было бы сказать, что антропологам, базирующимся на исследовании относительно недифференцированных обществ, весьма полезен анализ современных обществ со сложной структурой. Это как раз та область, где социологи достигли ведущих позиций...

Последний пункт, касающийся отношений социологии с родственными ей дисциплинами, связан с растущим участием социологов в разработке междисциплинарных исследовательских проектов. Одним из главных видов междисциплинарного исследования является «региональное», но существует много других типов исследований, таких как изучение организаций и локальных сообществ. Эти проекты важны с точки зрения прояснения природы участвующих в них дисциплин.

Я кратко обрисовал укрепление позиций социологии в качестве научной дисциплины и учебного курса в университетах, развитие ее исследовательских и обучающих функций; я также коснулся вопроса о том вкладе, который социология может внести в развитие родственных дисциплин. Осталось рассмотреть еще два важных момента. Предваряя в чем-то последнюю дискуссию, во-первых, можно сказать, что влияние социологии на идеологическое «определение ситуации» в нашем обществе за последнее время значительно возросло. Частота, с которой термин «социология» появляется в массовых дискуссиях, хотя употребляется он технически не всегда правильно, служит наглядным показателем изменившейся ситуации. Во-вторых, хотя социологи все еще отстают от своих коллег в экономической, политической и психологической областях, происшедшие за последние двадцать лет изменения, в результате которых социология завоевала прочное положение в практическом мире, очевидны. Следствием подобных изменений, где ни один фактор не играл решающей роли, может стать постепенное превращение социологии из наименее уважаемой науки в наиболее дискуссионную.

Вклад социологии в современную идеологию

Важным показателем взаимосвязи между изменениями в самом обществе и тем местом, какое занимают в нем профессии из сферы социальных наук, выступает тот факт, что термин «социология» все больше становится центральным символом в массовых идеологических течениях нашего времени. В этом смысле можно говорить, что в идеологии наступила «социологическая эра», пришедшая на смену «экономической», а затем и «психологической» эрам.

Возникновение индустриальной экономики стало не только новым выдающимся событием в промежутке между последней четвертью XIX в. и началом нашего столетия; в интеллектуальном плане экономическая

теория в ее различных вариантах выработала термины, определяющие сущность данного периода. Школы теоретические, простирающиеся от крайне ортодоксальных, оправдывающих капитализм, различных форм либерализма и реформизма до радикального социализма, в конечном итоге кристаллизовались в марксизм; но их основу составлял набор общеизвестных утверждений о решающей роли «экономических факторов». Эта идеологическая эра, последней фазой которой стал период «нового курса», теснейшим образом была связана с процессом утверждения экономики как науки в академическом мире. Роль экономики как идеологического фокуса в то время значительно снизилась, хотя, разумеется, она продолжала занимать важное место в различных вопросах общественной политики. За экономической эрой последовала, хотя и не в таких масштабах, психологическая эра. Изменения, ставшие очевидными в 30-е гг., ознаменовались возрастающим интересом к роли рациональных (в противовес «иррациональным») факторов в мотивации человека. Как и в предыдущем случае, произошедшие изменения были тесно связаны с быстрым развитием психологии как научной дисциплины.

В то время как экономическая эра в идеологии была привязана к самому факту индустриализации, психологическая эра ограничивалась последствиями индустриализации для индивида. Если психологическое движение поставило под сомнение адекватность упрощенных экономических интерпретаций человеческого поведения, то ясное понимание сложности и изменчивости крупномасштабного общества и его «массовых» явлений потребовало чего-то большего, нежели просто анализ индивидуального поведения. Новую идеологическую эру, которая совпадает с психологической, можно описать как диалектическую связь, существующую между направленностью психологов на индивида и направленностью интересов социологов на общество. В этом комплексе проблема подавления человеческой свободы неизбежно становится центральной. Она лежит в основе современного интереса к проблеме «конформности». Отмечу, что акценты сейчас и тогда — в эпоху господства экономики в идеологии, когда основная проблема формулировалась как «производительность или равенство» и сводилась к тому, чтобы найти подходящий способ «удовлетворения потребностей», — расставлялись по-разному. В определенном смысле проблема конформности специфична для «общества изобилия».

Появление столь обширной идеологической проблематики повлияло на статус социологической профессии: теперь социолог воспринимался широкими слоями общественности как эксперт по интеллектуальным проблемам, имеющим общественный характер. Тот факт, что подобная

экспертиза проводилась со значительной долей амбивалентности, не снижает статус профессии социолога в обществе...

Прикладная функция

Еще одной важной сферой профессиональной включенности в структуру общества является прикладная деятельность. Как уже отмечалось, этот интерес особенно ярко проявился на ранней стадии развития социологии, особенно в области социальных проблем, но затем последовал резкий уход в сторону построения академического ядра дисциплины. В последнее время, однако, отмечается возврат к прикладным интересам даже в более широком масштабе, чем прежде. Отправным моментом послужила попытка мобилизовать социальные науки для военных целей во время Второй мировой войны. То было движение, в котором социология играла значительную, но далеко не ведущую роль. Достижения в таких областях, как индустриальная социология и маркетинговые исследования, также дали толчок для непрерывного расширения прикладной функции.

На начальных этапах развития новой дисциплины, имеющей выход на практику, для представителей данной профессиональной группы характерно непосредственное выполнение практических функций, а в некоторых профессиях подобная модель поведения сохраняется и становится все более распространенной. Химия, возможно, — та сфера, которой в наибольшей степени присуща такая модель; велико число ученых со степенью доктора философии в химии, которые в действительности выполняют технологические работы для промышленности и по заказам правительства; их численность, вероятно, даже превышает инженеров-химиков. Подобная практика отличает и современное развитие социологии.

Возможно, что и в дальнейшем прикладные исследования будут широко применяться на промышленных предприятиях, в правительственных организациях, особенно в вооруженных силах; в изучении общественного мнения и установок; и в различных социальных агентствах, интересующихся проблемами здравоохранения, криминологии и т.д. Но пока еще значительное число социологов со степенью доктора философии — около 86% — работают в колледжах и университетах, уступая по численности только историкам, литературоведам и представителям других гуманитарных наук, но превосходя численность ученых со степенью доктора философии из политических наук и экономики (76% и 69% соответственно).

Важным и быстро расширяющимся местом соединения академической и неакадемической сфер занятости является консультативная работа в различных неакадемических организациях. Она проводится в фор-

ме индивидуального обслуживания клиентов, а также в виде «конференций», когда междисциплинарная группа профессионалов собирается вокруг широкой практической проблемы.

Различие между психологией и социологией в части прикладных функций состоит в том, что в социологии реже встречается такая «практика», как индивидуальное обслуживание за определенный гонорар. Предпочтительнее, чтобы социологов нанимали на полный день или в статусе консультанта – такие структуры, как коммерческие фирмы, правительственные организации, социальные агентства, исследовательские учреждения, которые не нуждаются в защите от всякого рода шарлатанов и авантюристов. Защита, скорее, необходима частному лицу, прибегающему к услугам профессиональных служб. Следовательно, в социологической профессии больше возможностей избежать тех сложных проблем, связанных с законным получением сертификатов и лицензий, с которыми столкнулись сейчас психологи.

В последнее время возникла новая сфера прикладной деятельности: социологи совместно с представителями других «базисных наук» участвуют в исследованиях и обучении специалистов для целого ряда прикладных профессий. Исторически самый тесный союз социологии с прикладной специальностью существовал в сфере социальной работы. Когда социологи ушли, социальные работники заключили союз с психиатрией. Лишь недавно прерванные связи возобновились главным образом через участие социологов в обучении аспирантов, специализирующихся на социальной работе, и через исследования, проводимые в области социальной работы.

Выдающихся успехов новая сфера достигла в области здравоохранения, особенно в области психического здоровья. После того, как в первой половине нашего столетия окончилось господство «научной» медицины в статусе «органической» медицины, появился интерес к психологическим и социальным факторам заболеваний и здоровья. В этом направлении именно социологи, а не представители других «поведенческих» наук продвинулись дальше всех, сотрудничая и дружески конкурируя с антропологами и, несомненно, опережая психологов, хотя последние составляют по численности и организованности более сильную группу. По-видимому, такое стало возможным из-за того, что на социологов не возлагался контроль за процессом лечения отдельных пациентов. Социолог помогает разобраться с проблемами, с которыми сталкивается медицина и народное здравоохранение, но его функции нельзя сводить к практике в традиционном медицинском смысле. Следовательно, социологию, в отличие от клинической психологии, нельзя рассматривать как помеху в психиатрическом лечении пациентов.

Сегодня хорошо известно, что работа в медицинских учреждениях и организациях здравоохранения составляет одну из основных сфер занятости социологов, вероятно, самую крупную область, за исключением сферы образования и исследовательской деятельности. Характер предоставляющихся здесь возможностей разнообразен, но, вероятно, наиболее престижной можно считать преподавательскую работу в медицинских колледжах и институтах сферы здравоохранения. В настоящее время, безусловно, можно говорить о включении социологии в число базисных наук, лежащих в основе медицинской практики, и, следовательно, об объединении социологов с представителями других поведенческих наук и о получении ими такого же организационного статуса, какой имеется у физиологов, биохимиков, биофизиков, бактериологов и т.д.

Сфера медицины, однако, является лишь одной из нескольких прикладных областей, на которые направлена деятельность социологов. Хотя и не в таком объеме, подобная тенденция наблюдается по отношению к социальным наукам в целом и к социологии, в частности, в школах бизнеса и паблик-администрейшн, в области образования, права и даже богословия. Пожалуй, наибольший прогресс достигнут в школах бизнеса, а предшествовал такому процессу период аграрной социологии и сельскохозяйственные колледжи.

Двумя основными направлениями развития социологии в школах бизнеса являются индустриальная социология и выборочные обследования. Вероятнее всего, той областью, где роль социологии в ближайшем будущем заметно возрастет, является образование, и не в последнюю очередь из-за потребности нашего общества в расширении и улучшении условий образования. Проникновение социальных наук в область права происходит достаточно медленно вопреки мнению декана юридической школы Вашингтонского университета Эрвина Грисуолда о том, что право само по себе является социальной наукой. Однако можно предполагать, что в конечном счете положение дел изменится...

Заключение

Этот обзор дает достаточно ясную картину. Социология – профессия, сформировавшаяся вокруг быстро развивающейся научной дисциплины, которая в последнее десятилетие достигла нового уровня зрелости и заняла достаточно высокое стратегическое положение среди социальных наук. Социальные науки, в свою очередь, в нашем столетии заняли такое место в жизни общества, какое раньше им никогда не отводилось. В течение жизни последнего поколения достигла высокого уровня техническая база социологии, усовершенствовалась исследовательская тех-

нология, на новый уровень поднялась социологическая теория. В исследованиях получено много интересных результатов, а их качественный уровень в среднем существенно повысился.

Что касается социологической профессии, то база для ее развития в университетах существенно расширилась и укрепилась: теперь каждый крупный американский университет предоставляет место для социологии. За двадцать лет почти в три раза возросла численность профессиональных кадров, и она, несомненно, будет еще увеличиваться. Социология заняла центральное место в современном интеллектуальном мире. Расширилось привлечение социологов для решения практических задач. Начался процесс утверждения социологии в качестве базисной науки, лежащей в основе целого комплекса прикладных профессий. Увеличилось количество профессиональных ассоциаций, а их положение укрепилось. Я думаю, во всех областях социологии будет наблюдаться прогресс.

Перевод М.В. Калашниковой